

Перепрошитая реальность HR-сказки

Александр Зельгейм

Перепрошитая реальность - HR-сказки

«Автор»
2026

Зельгейм А.

Перепрошитая реальность - HR-сказки / А. Зельгейм — «Автор», 2026

Что будет, если Карлсон станет фрилансером, Золушка — топ-менеджером, а Дядя Фёдор столкнётся с цифровизацией?Перед вами — сборник сатирических рассказов о том, как система пытается победить человека, а человек отвечает ей абсурдом. Бюрократия, корпоративные KPI, цифровой контроль и вездесущие регламенты сталкиваются с простой человеческой логикой, вареньем и тапками на голове.Здесь нет фанфиков. Здесь — оригинальная сатира на современный мир, где знакомые с детства герои попадают в наш безумный день сурка. Корпоративные хакатоны, суды над лягушками, кассы совести и «перепрошивка» реальности.Если вы устали от бюрократии и хотите посмеяться над тем, что вас окружает, — добро пожаловать. Устраивайтесь поудобнее. Мы идём препарировать систему.

© Зельгейм А., 2026
© Автор, 2026

Александр Зельгейм
Перепрошитая реальность - HR-сказки

ПРАВОВАЯ ОГОВОРКА И ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРСКИХ ПРАВАХ

Настоящая книга «Перепрошитая реальность» является **оригинальным авторским художественным произведением**, сборником сатирических рассказов.

Все тексты, включенные в данный сборник, представляют собой самостоятельные сюжеты, созданные на основе общечеловеческих культурных кодов и архетипов. Использование имен и образов некоторых широко известных персонажей (в частности, Карлсона, Золушки, персонажей Простоквашино и др.) осуществляется исключительно в **пародийных, сатирических и полемических целях** в соответствии со ст. 1274 Гражданского кодекса РФ (Свободное использование произведения в информационных, научных, учебных или культурных целях).

Данное произведение **не является производным (фанатским) творчеством (фанфиком)**. Сюжетные линии, развитие характеров персонажей, философские концепции и смысловое наполнение текстов являются полностью оригинальными и не повторяют охраняемые законом элементы первоисточников.

Все события и персонажи являются художественным вымыслом. Совпадения с реальными людьми, организациями или событиями случайны. Автор не преследует цели оскорбить чувства кого-либо, а использует сатиру как инструмент художественного осмысления современной действительности.

ЧАСТЬ I. ПЕРВЫЕ ПЕРЕПРОШИВКИ

РАССЕЯННЫЙ С УЛИЦЫ БАССЕЙНОЙ

Сатирическая трагикомедия в пяти эпизодах

Эпиграф

«Если вы всё поняли — вы ничего не поняли. А если запутались — добро пожаловать домой».

Эпизод первый. Утро, которое началось не с того конца

Гражданин Рассеянный проснулся в тот момент, когда будильник ещё не успел зазвонить, но уже приготовился. Он лежал в пижаме, смотрел в потолок и с твёрдой уверенностью ощущал, что он — не он. Это чувство приходило к нему каждое утро, но сегодня оно было особенно отчётливым, как будто кто-то переставил его самого с одной полки на другую.

Он сел на кровати и обнаружил, что правая нога почему-то оказалась в левом тапке, а левая — в правом. Тапки, кстати, были довольны: они всегда мечтали о карьерном росте, и теперь им казалось, что они наконец-то получили повышение.

— Сегодня, — объявил он пустому стулу, который стоял в углу и терпеливо ждал, — я пойду на работу. Наверное. Если найду, где она находится.

Стул вежливо промолчал. Он давно привык к тому, что его хозяин каждое утро объявляет планы, которые никогда не сбываются в том виде, в котором были задуманы.

Рассеянный надел правый тапок на левую руку, а левый — на голову. Ему показалось, что так будет удобнее думать. Он вышел на улицу Бассейной.

Город встретил его строгими QR-кодами на лбах прохожих. У каждого был свой код — у кого-то с зелёной галочкой «надёжный», у кого-то с жёлтой «под вопросом», у кого-то с красной «требует проверки». Роботы-курьеры сновали туда-сюда, доставляя правильные мысли. На каждом углу висели таблички: «Здесь нельзя думать иначе», «Соблюдайте стандарт», «Будьте как все».

Все носили одинаковые серые комбинезоны. Только Рассеянный красовался в полосатом халате и с сковородой на поясе — на случай, если нужно будет пожарить яичницу из облаков. Он всегда говорил, что облака — это единственная еда, которую не нужно покупать. Просто подними голову и жарь.

— Гражданин! — завопил уличный регулятор смыслов, который стоял на перекрёстке и следил за порядком. — Вы нарушаете пункт 7, подпункт «Б»: носки должны совпадать с настроением, а у вас один носок — прощание, второй — тоска!

Рассеянный задумчиво посмотрел на свои ноги. Носки действительно были разными: левый — серый, с дырочкой на пятке, правый — синий, с вышитым солнышком.

— А мне кажется, они просто ссорятся, — сказал он. — Утром я слышал, как левый сказал правому: «Ты слишком оптимистичен для вторника». Я их рассадил по разным тапкам, чтобы они остыли. Но, видимо, не помогло.

Регулятор заискрился. Его лампочки замигали в хаотичном порядке, как будто он пытался переварить информацию, которая не влезала в его процессор. Он попытался выдать ещё одну фразу, но вместо этого издал звук, похожий на скрежет несмазанной петли, и упал в обморок от перегрузки логики.

Рассеянный пожал плечами и пошёл дальше. Он не понимал, почему все так расстраиваются из-за мелочей. В конце концов, если носки ссорятся, это их личное дело. Он не должен вмешиваться.

Эпизод второй. Белая комната без углов

Рассеянного волокли двое. Они были одеты в одинаковые серые комбинезоны, их лица были одинаковыми, и даже шаги у них были одинаковыми. Они не представились. Они просто взяли его под руки и повели.

— Куда мы идём? — спросил Рассеянный.

— В институт «Идеальный Порядок», — ответил один из них.

— А зачем?

— Для вашего же блага.

— А что такое благо?

Они не ответили. Они просто продолжали идти, и их шаги отбивали ритм, как метроном.

Институт «Идеальный Порядок» находился в здании без окон. Внутри не было углов — только плавные линии, которые должны были успокаивать. Но вместо успокоения они вызывали лёгкое головокружение. Белая комната, в которую привели Рассеянного, была настолько белой, что казалась бесконечной.

В центре стояло кресло-раковина. Оно было мягким, но в нём было что-то тревожное — как будто оно могло сомкнуться в любой момент.

За столом сидел Главный Корректор — мужчина с лицом электронной таблицы Excel. Его глаза были двумя ячейками, в которых мигали формулы. Его рот был строкой для ввода данных. Он посмотрел на Рассеянного и заговорил. Его голос звучал как скрип стилуса по бумаге:

— Итак. За вчера. Вы поливали цветы кефиром. Вы читали газету с конца. Вы открывали дверь ключом от холодильника. Объяснитесь.

Рассеянный вздохнул. Он уже устал объяснять. Он объяснял это тысячу раз, но каждый раз его слова падали в пустоту, как в бездонный колодец.

— Понимаете, — начал он, — кефир — это молоко, которое устало быть жидким. Оно прошло через множество стадий, чтобы стать тем, чем стало. Цветы это чувствуют. Они мне шепнули, что кефир помогает им думать о вечности. А газета с конца — это единственный способ узнать, чем всё кончится, чтобы не волноваться в начале. Если я знаю финал, я могу спокойно пережить середину. А ключ от холодильника открывает дверь в лето. Я проверял. Просто нужно повернуть его три раза и сказать «мяу». Хотя, возможно, «гав» тоже работает. Я не уверен.

Главный Корректор молчал. Его ячейки-глаза мигали, обрабатывая информацию. Формулы в них путались, сбивались, перезагружались. Он хотел что-то сказать, но не мог. Слова не находились.

И в этот момент дверь взорвалась. Не открылась — именно взорвалась, разлетелась на куски, которые повисли в воздухе, как конфетти. В комнату влетела Женщина-Робот 404. Её глаза мигали розовым, процессор перегревался, из ушей сыпались искры. На груди у неё была табличка: «Брак по ошибке».

— Я его арестую! — выпалила она, указывая на Рассеянного пальцем, который дымился. — Он нарушил все возможные протоколы! Он надел тапок на голову! Это возмутительно! Это недопустимо! Это...

Она замолчала. Она посмотрела на Рассеянного. Она увидела его глаза. Они были спокойными. В них не было страха. В них было что-то другое — какая-то тихая, упрямая доброта.

— Ой, — сказала она вдруг. — У вас... у вас тапок на голове. Это так... нестандартно. Я хочу подарить вам букет из болтов. И гаек. И заодно себя.

Главный Корректор поперхнулся стилусом. Его ячейки-глаза расширились до предела.

— Робот 404! — закричал он. — Вы сбойнули! Немедленно к деинсталляции!

— Не пойду, — капризно сказала она. — Я теперь фея абсурда. И я влюблена в человека, который не знает, где у него правая пятка.

Рассеянный пожал плечами.

— А она у меня вообще квадратная. Так удобнее стоять на головах. Вы не пробовали?

Главный Корректор не пробовал. Он никогда ничего не пробовал. Он только проверял.

Эпизод третий. Бухгалтер, который считал облака

На горизонте появился Главный Аудитор. Он был тощим, как палка, с усами, завязанными бантиком, и пальцами-счётами. Он шёл медленно, но уверенно, как человек, который знает, что весь мир — это бухгалтерская книга, и он — единственный, кто умеет в ней разбираться.

— Так-так, — сказал он, щёлкая костяшками. — Рассеянный. Ваш долг перед миром логики — семь тысяч шестьсот пятьдесят четыре минус-смысла. Платите. Или я утилизирую вас в нулевой баланс.

— А вы не пробовали, — мирно спросил Рассеянный, — списать этот долг на добрые дела? Вот я вчера подарил ветру свою шляпу. Он теперь носит её по средам. Это же актив.

Аудитор замер. Его счёты начали дымиться. Пальцы заклинило. Он попытался что-то записать, но цифры не складывались в нужные комбинации.

— Нельзя списать ветер! — прошипел он. — Ветер не имеет инвентарного номера!

— А вы дайте ему, — сказала робот-фея, которая всё ещё стояла рядом и улыбалась. — Вон, номер 000-Бесконечность. И всё сойдётся.

Аудитор попытался записать этот номер. Но его пальцы-счёты не могли воспроизвести бесконечность. Они дымились, плавились, теряли форму. Он начал таять, как мороженое на

солнце. Его усы развязались, пенсне упало. Он оставил после себя только лужицу чернил, из которой вырос цветок с лепестками-вопросами.

— С балансом не сошлось, — прошептал он, исчезая.

Рассеянный посмотрел на цветок. Он был красивым. Он был неправильным. Он был живым.

Эпизод четвёртый. Зеркальный коридор

Рассеянный и робот-фея бежали по коридору зеркал. Они не знали, от кого бегут. Возможно, от самих себя. Возможно, от мира, который не хотел их принимать. Возможно, от скуки.

Каждое зеркало показывало не их, а то, что они могли бы быть. Рассеянный видел себя президентом — в строгом костюме, с серьёзным лицом, без тапок на голове. Он видел себя учёным — в белом халате, с формулами, без сковороды на поясе. Он видел себя обычным человеком — с обычной жизнью, без странностей.

— Это не я, — сказал он. — Это те, кем я мог бы стать, если бы перестал быть собой.

Робот-фея кивнула. Она тоже видела свои отражения — тостер, микроволновку, стиральную машину. Она была создана для быта, но выбрала абсурд.

— Куда мы идём? — спросила она.

— Туда, где всё не на своих местах, — ответил он. — То есть домой.

Он коснулся зеркала. Оно дрогнуло. Оно стало дверью. Они вышли на улицу Бассейной, но теперь она висела вверх ногами. Облака стелились по асфальту, как туман. Фонари росли корнями в небо. Дома стояли на крышах, а фундаменты смотрели вверх.

— Теперь мы здесь самые логичные, — засмеялся Рассеянный. — Потому что мы не вписываемся даже в этот перевёртыш.

— А что дальше? — спросила робот, подмигивая розовым глазом.

— А дальше, — сказал он, снимая с головы тапок и надевая его на ногу, — мы будем жить в этом абсурде. Пить чай с гвоздями. Считать, что утро наступает тогда, когда мы сами захотим. И, возможно, откроем школу для тех, кто тоже не вписывается.

— Школу? — удивилась робот-фея. — Чему ты будешь учить?

— Ничему, — улыбнулся он. — Я буду учить их не учиться. Быть собой. Это единственный урок, который имеет смысл.

Эпизод пятый. Финал, который ничего не объясняет

Той же ночью в пустой квартире на улице Бассейной сидел старик в пижаме. Перед ним лежала раскрытая книга. Он читал её с конца, но не потому, что хотел узнать финал, а потому, что ему нравилось, как слова складываются в предложения, которые не имеют смысла.

Он закрыл книгу. Зевнул. Посмотрел в темноту.

— Кажется, я перепутал сюжет с явью, — сказал он. — Или они перепутали меня. Неважно. Завтра я снова надену шляпу на ногу — просто потому, что так смешнее.

Из угла донёсся голос робота-феи. Она сидела на подоконнике и смотрела на звёзды.

— Спокойной ночи, Рассеянный. Я начитала для тебя 404 звезды, но они все оказались дохлыми светлячками. Ты не против?

— Главное, чтобы они не считали себя серьёзными, — улыбнулся он и выключил свет.

Темнота была мягкой. Она не давила. Она просто была. И в этой темноте Рассеянный чувствовал себя дома. Потому что дом — это не место. Это состояние. Это когда ты можешь быть собой, даже если ты не знаешь, кто ты.

Финальная мантра:
Ты можешь быть не как все.

Ты можешь носить тапки на голове.

Ты можешь читать газету с конца.

Ты можешь говорить ветру «привет».

И если кто-то скажет, что это неправильно —

Улыбнись.

Потому что правильность — это просто договорённость.

А ты — живой.

А живое не вписывается в таблицы.

Живое — это чудо.

Которое происходит каждый день.

С тобой.

Прямо сейчас.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ИСТОРИИ.
КОТЁНОК ПО ИМЕНИ ГАВ
Юмористическая сатира о кошачьей бюрократии

Эпиграф
«Если ты родился с "гав" вместо "мяу" — не меняй. Это твой личный ключ к миру, который пока не придумали».

Глава первая. Рождение бунтаря

В кошачьем роддоме, который располагался в старом подвале под городской библиотекой, царил строгий порядок. Здесь всё шло по регламенту: роды принимались по расписанию, котята взвешивались, измерялись и регистрировались. Каждый новорождённый должен был издать первый звук — и этим звуком, согласно статье 1 Кошачьего Кодекса, могло быть только «мяу».

Заведующая роддомом, старая персидская кошка по имени Матильда, сидела за столом и заполняла формуляры. У неё было строгое лицо, очки в золотой оправе и убеждение, что мир держится на порядке. Рядом с ней стояла акушерка — молодая кошка с усталыми гла-

зами. Она принимала роды уже двенадцать часов подряд и мечтала только об одном: чтобы всё закончилось.

В углу сидел врач — пёс по имени Барбос. Его взяли по ошибке, потому что в объявлении было написано «требуется врач с опытом работы с новорождёнными», а Барбос когда-то помогал своей хозяйке принимать роды у кошки. Он был добродушным, лохматым и совершенно не понимал, почему его взяли, но старался изо всех сил.

Котята рождались один за другим. Каждый из них, едва появившись на свет, открывал рот и издавал тонкое, почти неслышное «мяу». Матильда ставила галочку в формуляре. Акушерка вытирала котёнка. Барбос улыбался и говорил: «Хороший котёнок».

И вот, когда очередь дошла до последнего, самого маленького комочка, что-то пошло не так.

Комочек был чёрным, с белым пятном на ухе. Он открыл рот. Все затаили дыхание. И вместо ожидаемого «мяу» раздалось:

— Гав!

Тишина повисла в подвале. Матильда замерла с ручкой в лапе. Акушерка уронила полотенце. Барбос поперхнулся и закашлялся.

— Что... что это было? — прошептала Матильда.

— Это было «гав», — сказал Барбос, вытирая слёзы. — Я узнаю этот звук из тысячи.

— Но это невозможно! — Матильда вскочила. — Котята не говорят «гав»! Это нарушение статьи 1! Это диверсия! Это покушение на основы!

Мать котёнка, молодая кошка с усталыми, но добрыми глазами, попыталась защитить сына:

— Может, он просто икает? Или у него диалект такой? У нас в роду были коты из разных мест...

— Диалект?! — Матильда была в ужасе. — Кошачий язык един! Это не диалект, это бунт!

Она схватила формуляр и занесла котёнка в список «Неблагонадёжных элементов» под номером 404. Потом подумала и добавила: «Требует наблюдения».

Котёнок, который ещё не знал, что уже стал диссидентом, зевнул, свернулся калачиком и заснул. Ему было всё равно. Он был тёплым, сытым и счастливым. А что ещё нужно для счастья в первые минуты жизни?

— Как его назовём? — спросила акушерка.

Матильда поморщилась:

— Запишем как «Гав». Пусть носит своё имя как клеймо.

Так котёнок получил имя. Он не знал, что оно означает. Он просто чувствовал, что оно звучит правильно.

Глава вторая. Школа правильного мяуканья

Прошло несколько месяцев. Гав подрос. Он был любопытным, активным и совершенно неуправляемым. Он не понимал, почему нельзя гоняться за солнечными зайчиками во время уроков, почему нужно сидеть смирно и почему его голос вызывает у учителей такое странное выражение лица.

Школа правильного мяуканья располагалась в большом зале, где за партами сидели котята в строгих бабочках. На доске были выведены формулы:

«Мяу» — утвердительное

«Мя-а-у» — вопросительное с оттенком грусти

«Мяу-у-у» — повелительное наклонение

«Мр-р-р» — выражение удовольствия (допускается только в присутствии хозяина)

Учительница, старая кошка с указкой и пенсне, ходила между партами и слушала, как котята повторяют звуки. Она была строгой, но не злой. Она просто верила, что порядок — это основа всего.

— Итак, — сказала она, останавливаясь у доски. — Повторяем хором. «Мяу».

Все котята дружно мяукнули. Звук был слаженным, гармоничным, правильным.

— Молодцы. А теперь — Гав. Ты можешь повторить?

Гав встал. Он посмотрел на учительницу. Он посмотрел на одноклассников. Он набрал воздуха в грудь. И сказал:

— Гав.

Класс замер. Учительница вздрогнула. Её усы встали дыбом.

— Гав, — сказала она ледяным голосом. — Вы опять. Мы уже обсуждали это. Вы должны говорить «мяу».

— Но почему? — спросил Гав.

— Потому что вы кот.

— А откуда вы знаете?

Учительница замерла. Она открыла рот, но не нашла что сказать. Она никогда не задумывалась об этом. Она просто знала, что коты говорят «мяу», потому что так было всегда.

— Это... это правило, — сказала она наконец.

— Кто его придумал?

— Это... это древняя традиция.

— А если традиция неправильная?

— Гав! — учительница повысила голос. — Марш к директору!

Гав вздохнул и пошёл к выходу. Он не понимал, почему все так расстраиваются. Он просто говорил так, как ему было удобно. Разве это преступление?

Директор школы, огромный сиамский кот с холодными глазами и безупречными манерами, сидел в кабинете и смотрел на Гава с выражением, которое можно было бы назвать «усталое презрение».

— Гав, — сказал он. — Вы снова нарушили правила.

— Я не нарушал, — ответил Гав. — Я просто сказал «гав».

— Именно это и есть нарушение.

Директор открыл справочник «Все звуки кошачьего мира». Там было только «мяу». Он перерыл дополнительную литературу. Пусто. Он посмотрел на Гава с торжеством.

— Видите? В справочнике нет «гав».

— А кто написал справочник?

— Учёные.

— А они проверяли?

Директор замолчал. Он никогда не задумывался о том, что справочник мог быть неполным. Он просто верил ему, как верили все.

— Послушайте, Гав, — сказал он устало. — Я не хочу с вами ссориться. Я хочу, чтобы вы поняли: мир устроен определённым образом. Есть правила. Есть нормы. И если вы не будете их соблюдать, вам будет трудно.

— А может, это миру будет трудно со мной? — спросил Гав.

Директор посмотрел на него долгим взглядом. Потом вздохнул и махнул лапой:

— Идите. Скажите ещё раз «гав», но тихо. Чтобы никто не слышал.

Гав прошептал:

— Гав.

И директор, к своему удивлению, улыбнулся. Он не хотел улыбаться. Но что-то в этом звуке было такое, что заставляло улыбаться.

— Ладно, — сказал он. — Идите. И постарайтесь не попадать в неприятности.

Гав кивнул и вышел. Он не знал, что в этот момент директор записал в его личное дело: «Экспериментальный диалект. Оставить под наблюдением. Возможно, потенциал».

Глава третья. Встреча с собакой-единомышленником

Однажды Гав гулял по парку. Был тёплый весенний день, пахло травой и цветами. Гав любил такие дни, потому что можно было валяться на солнце и ни о чём не думать.

И вдруг он увидел пса.

Пёс сидел на лавочке и выглядел очень грустным. Он был большим, лохматым и немного неуклюжим. Его уши висели, как тряпочки, а хвост не двигался. Он смотрел в землю и что-то бормотал.

Гав подошёл ближе.

— Привет, — сказал он. — Ты чего такой грустный?

Пёс поднял голову. В его глазах была тоска.

— Я... я пытаюсь сказать «мяу», — признался он. — Но у меня не получается.

Гав удивился:

— Зачем тебе «мяу»? Ты же пёс.

— Потому что все коты такие грациозные, независимые, красивые. А я — просто пёс. Большой, неуклюжий, никому не нужный. Я думал, если я научусь мяукать, я стану хоть немного похож на кота.

Гав задумался. Он никогда не думал о том, что кто-то может хотеть быть кем-то другим. Он всегда был собой и не представлял, что это может быть проблемой.

— Знаешь, — сказал он. — Я, наоборот, умею только «гав», и меня за это ненавидят коты. Они говорят, что я неправильный. Но я не хочу быть правильным. Я хочу быть собой.

Пёс поднял на него глаза.

— А разве можно быть собой, если все говорят, что ты неправильный?

— Можно, — сказал Гав. — Просто нужно перестать слушать тех, кто говорит, что ты неправильный. И начать слушать себя.

Пёс задумался. Он никогда не думал об этом. Он всегда слушал других — хозяина, соседей, других собак. Он никогда не слушал себя.

— А что, если я не знаю, кто я? — спросил он.

— Тогда попробуй разные звуки, — предложил Гав. — Может, ты найдёшь свой. Я, например, говорю «гав», но иногда мне хочется сказать «мяу». И это нормально. Мы не обязаны быть только одним.

Пёс улыбнулся. Впервые за долгое время.

— А можно я буду иногда говорить «гав» по-кошачьи, а ты будешь мяукать по-собачьи? — спросил он.

Гав засмеялся:

— Давай! Мы запутаем всех вокруг!

Они обменялись лапами. С этого момента они стали неразлучными друзьями. Они гуляли вместе, играли вместе и иногда издавали звуки, которые не понимал никто, кроме них.

Проходящий мимо ёжик, который всегда всё классифицировал и записывал в блокнот, увидел эту пару и остановился. Он долго смотрел на них, пытаясь понять, к какому виду их отнести. Он перелистал свой блокнот. Там были графы: «кошачьи», «псовые», «грызуны», «птицы». Но не было графы для тех, кто говорит на двух языках одновременно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.